



Панихида по Человеку

Последние пять лет искривили мораль социума, разрушили основы государственности и возвеличили отказ от самостоятельного мышления



Фото: Александр Мелехов / ТАСС

08:40, 28 октября 2026,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ
ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ
ГАЗЕТА»

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

«С чего начался человек?» — спросил Алексей Леонтьев, основатель факультета психологии МГУ, Мераба Мамардашвили — с психологом Владимиром Зинченко они работали над совместной статьей для «Вопросов философии». «С плача по умершему», — не задумываясь ответил Мераб Константинович.

Именно человек находится «посредине мира», а не идолища национализма и империализма, не тотем государства, объявляющего себя «Родиной», не земля, которую надо «возвращать».

Смерть важна не как принесение себя на алтарь ненасытному Левиафану, а как плач по умершему, который и обнаруживает высшую и неповторимую ценность — жизнь человека.

Смерть не как ворота в загробную жизнь, а как понимание того, насколько важен один-единственный и неповторимый человек — по эту сторону могилы.

Это простые истины гуманизма, переплавленные в формулы универсальных ценностей, которые легли в основу Основного закона Российской Федерации — ее Конституции.

Всепроникающее насилие, разжигание ненависти к тем, кто выходит в мышлении за рамки «единых учебников», поиски врагов и уязвление их, возведение на пьедестал идола всевидящего государства, русское мессианство, несущее свет другим народам самыми специфическими способами, Конституцией не предусмотрено. Она перестала действовать на территории России. Чем жестче и больше государство, тем сильнее деформируются основы государственности.

Нормальной государственности, основанной на конституционных нормах. Это уже государство без институтов, как, собственно, и бывает с абсолютной властью.

«Мы» вместо «я»

Тоталитарные системы не знают человеческого «я», они знают только «мы», в котором можно раствориться, стать незаметным и принять для себя «ярмо с гремушками да бич». И есть только одно «я», которое приравнивает себя к стране, Родине, народу, государству, обществу, а массовка «мы» должна с этим единственным «я» во всем соглашаться.

Интересно был настроен совершенно не цифровой, а ламповый

идеологический радар советской власти. Советская система в последние десятилетия своего существования была гораздо более вегетарианской по сравнению с сегодняшней кремлевско-лубянской системой, бьющей и стигматизирующей изгоев наотмашь. Поэтому она лишь маргинализировала и исторгала на нижние этажи своей многоподъездной системы самых опасных интеллектуалов, «тянущих нас в область мышления» (как было сказано одним верноподданным оратором во время публичной порки Эвальда Ильенкова в 1955-м). Но стреляла снайперски точно. Вот первый — один из многих, но яркий пример.

В 1969-м крошечным тиражом в ротапринтном издании информационного бюллетеня Института конкретных социальных исследований АН СССР вышли в двух небольших томах лекции по социологии Юрия Левады — он их читал на факультете журналистики МГУ. Среди прочего Юрий Александрович дерзнул изложить начала социологии личности. Он обозначил самоценность «я» в противопоставлении безликому «мы». Он говорил и писал, как мучительно человек отстаивал свое право на «самостоятельное существование человеческой личности вообще, ее индивидуальности».

Личность впервые проглядывает в Гамлете, первом персонаже, которого, по мысли академика Николая Конрада, которого цитирует Левада, начинает мучить совесть. С мучений совести пробуждается личность того самого человека, который, по Мамардашвили, начался с плача по умершему.

Человек, решивший стать частью массы, принять позу зародыша, превратиться в норное животное, сознательно ампутирует у себя совесть.

Самые страшные преступления совершали

самые обычные люди, воспитавшие в себе привыкание к насилию и равнодушие к преследуемым — отсюда и та самая «банальность зла».

Советская власть узнала себя, взглядевшись в левадовское зеркало:

«Дело в том, что массовое общество — это не только период массовых коммуникаций, но период, когда огромные организации, а не отдельные люди делают открытия, совершают перевороты, — тысячные, миллионные организации, где каждая отдельная личность выглядит чуть больше головки от винтика. Дело и в том, что преступления XX века — это массовые преступления, т.е. те, в которых не только жертвы миллионные, но и преступник представляет собой организованную массу».

Юрия Леваду выперли с журфака, потом был разгон Института конкретных социальных исследований, всё это приблизительно совпало с разгромом команды Александра Твардовского в «Новом мире». И последующими многочисленными погромами в тех отраслях и местах, где теплилось мышление — в «Вопросах философии» под редакторством Ивана Фролова, ИМЭМО под руководством Николая Иноземцева.



Фото: Агентство «Москва»

Точно так же — и это второй пример — был запрещен курс Мамардашвили, который он читал на факультете психологии МГУ в 1970-е по приглашению Алексея Леонтьева. Декана попросили уволить философа — таково было требование людей со Старой площади, Леонтьев отказался это делать. Тогда приказ об увольнении пришел свыше. Но, повторимся, позднесоветская система изгоя уже не уничтожала (точнее, не всегда уничтожала), а спускала его на другой уровень существования, в научном мире — в другой институт, в номенклатурном мире проштрафившегося работника аппарата могли направить на работу в газету, а если и там возникали проблемы, то человека смещали в издательство или очередной НИИ узких проблем. Мамардашвили невостребованным не остался — тогда и начался его знаменитый курс лекций студентам ВГИКа.

И первая же фраза первой же лекции ударила током мышления и индивидуальности, предполагавшей гамлетовскую совесть и ответственность за себя:

«Выкиньте из головы, будто вы в ответе за всё, что происходит в мире. Каждый из нас в ответе только перед собственной бессмертной душой».

Это как в экономике — множество индивидуальных конкурирующих эгоистических интересов образуют рынок, общественное благо. Сознательные ответственные граждане, а не подданные способны освободить свое «я» от «мы» и тем самым создавать политическое общественное благо, заключенное в рамку норм — ротация власти, разделение властей, права и свободы человека и гражданина. Сакрализуется человек, а не государство, торжествует культ жизни, а не культ смерти.

Владимир Зинченко написал очень точно о философии Мамардашвили, а по сути — о принципах мирной организации человеческого сообщества: «Он заботился (и мечтал) о достойной человека микроскопии социальной и культурной жизни». Именно микроскопии, из которой вырастает благожелательное к человеку гражданское общество, нанимающее на свои деньги для регуляции отношений компактное государство, где, по Набокову, «портреты главы государства не должны превышать размер почтовой марки. Никаких пыток, никаких казней». А сакрализированный Левиафан знает только макроскопию, потому что он и сам большой, и у него мания величия, мегалотимия, желание быть выше всех, повелевать всеми, быть «владычицей морскою».

В своих лекциях Левада цитировал Норберта Винера — общество глупее, чем отдельный человек. В том смысле, что человек сложен, а пребывание в массе его нивелирует (по Пушкину: «к чему стадам дары свободы»). Об этой сложности человека говорил и Мамардашвили, толкуя о рисках атрофии

мышцы свободы, мускулатуры самостоятельности — чтобы ее тренировать, нужны каждодневные усилия. Без усилия не будет ничего: стоит расслабиться — и никакой свободы уже не будет, а общество и государство будут отброшены назад. Причем Мераб Константинович, не стесняясь, указывал точные координаты на карте времени и пространства — это 1937 год.

Тридцать седьмой как символ абсолютной власти, лотереи насилия: на кого падет карающая длань государства в следующую минуту, не знает никто. Год инфильтрации соглядатаев во все поры и капилляры частной жизни человека, год воспитания предустановленной покорности и недоверия к другому человеку. Год рассечения совести и удаления индивидуальной ответственности, год растворения в массе, языка ненависти, злобы как формы существования, немотивированной жестокости как компенсации отсутствия каких-либо достоинств. Даже язык науки, в том числе философии, в тот символический год, растянувшийся на десятилетия, по формуле Мамардашвили, «визжал». Это язык истерики, атаки, травли. Децибелы отменяют мышление и сомнения в собственной неправоте. Тоталитарные режимы не ошибаются и не сомневаются.

Се человек

Лена Немировская, чья с Юрием Сенокосовым квартира была московским прибежищем Мераба Мамардашвили, любит повторять: «Нельзя ставить человека в нечеловеческие условия». Можно на это возразить, что подлинно свободная и мыслящая личность должна оставаться человеком в любых обстоятельствах. Это правда в том смысле, что есть выбор — стать палачом или избежать этой навязываемой роли, отказаться от участия в мерзостях или перейти к активно подобострастным формам конформизма. Эти выборы стоят перед каждым здесь и сейчас в России. Но известны истории лагерей и концлагерей, когда о том, что осталось от униженного

и оскорбленного, чья единственная функция — выживание, можно только и спросить, следуя названию книги Примо Леви: «Человек ли это?»



Фото: Бизнес Online / ТАСС

Да, человек. Одна из потрясающих сцен повествования Леви. С другим заключенным, студентом Жаном из Страсбурга, они идут в наряд за цистерной супа к пункту раздачи. Жан, свободно изъясняющийся на французском и немецком, говорит, что ему интересен итальянский язык. И пока длится их путь, Примо Леви, высокообразованный химик из Турина, начинает наизусть читать двадцать шестую песнь дантова «Ада», возможно, более человеческого, чем ад Освенцима, где происходит разговор двух интеллигентов. Леви читает стихи, вспоминает забытые рифмы, запинается, переводит на французский, Жан со всевозрастающей страстью вслушивается, просит продолжать, с Данте они попадают словно в другое измерение, выпадают из страшной реальности:

«Я поражен, точно и сам слышу это впервые: «Подумайте о том, чьи вы сыны: / Вы созданы не для животной доли, / но к доблести и знанию рождены».

Как будто ангел вострубил, как будто раздался глас Божий. На секунду я забываю, где я и кто».

Читал ли про себя Осип Мандельштам, автор «Разговора о Данте», выучивший ради чтения флорентийца итальянский, униженный и раздавленный ГУЛАГом, строки из «Божественной комедии» в последние дни, часы, минуты перед смертью?

Человек ли это? Да, «се человек». Ессе homo.

Выбор ада

А что происходит с обычным человеком, с отцом семейства, достойным представителем своей профессии в тех самых нечеловеческих обстоятельствах? С человеком, находящимся по ту сторону рва, вооруженным автоматом и властью. «Обычные люди» (так и называется ошеломляющая книга историка Кристофера Браунинга о 101-м полицейском батальоне, участвовавшем в Холокосте) поначалу неохотно выполняют приказ об уничтожении евреев, они подавлены, многие отказываются от участия в акциях. Но потом товарищи по оружию, повязанные кровью, испачканные фрагментами мозгов своих жертв, воспринимают соучастие в преступлениях не только как исполнение приказа, но и как форму боевого братства, а тех, кто не ходит к месту казней, товарищи называют «засранцами» и размазней». Важно пройти «посвящение в массовые убийцы», дальше будет легче, всё будет восприниматься как поход в тир. Мало кто хочет прослыть «трусом». Наконец — внимание! — у них, по словам многих из участников расстрелов, «не было выбора». А потом... Потом многие даже просили допустить их к участию в казнях. И

это при том, что, как рассказывал один из участников происходящего: «Не помню ни одного случая, чтобы кого-то заставляли и дальше участвовать в расстрелах, если он заявлял, что больше не может». Лишь от 10 до 20% полицейских 101-го батальона сумели избежать превращения в убийц.

Вот оно, самое главное.

Человек, отказывающийся от выбора, делает выбор в пользу ада, личного ада. Он отказывается от той самой индивидуальности в пользу массы. А масса спишет всё — и конформизм, и ампутацию совести, и соучастие в насилии, и молчание «за».

Расчеловечивание Чужого, перенесение вины за то, что происходит с тобой на жертву (и удивительная трансформация самого себя в жертву), страх «социальной смерти», товарищество соучастников, легитимация насилия как «необходимой самообороны», принципиальный отказ от мышления, сбрасывание с себя ответственности за что-либо внутри единого коллектива: «Самую большую группу в батальоне составляли те, кто делал всё, что скажут, ни разу не рискнув бросить вызов начальству или показаться слабаком... Ожесточаясь и становясь всё более бесчувственными, они больше, чем расчеловеченных жертв, жалели самих себя... Большинство из них не думали, что занимаются чем-то неправильным или аморальным, ведь убийства были санкционированы законной властью. Собственно, они не пытались думать».

Почему важен этот микроанализ? Эта психология подчинения и самооправдания в одной группе соучастников работает и на

примере больших сообществ, она объясняет всё в механизмах конформизма масс, к тому же защищенных от терзаний совести и стыда дистанцированием от того, что где-то происходит насилие — на внешнем контуре или внутри страны.

Сегодня полутоталитарная система вошла в новое качество: она стала гораздо более открытой в демонстрации жестокости: воинственный диалект ток-шоу центрального телевидения и логика уничтожения врага стали языком прокремлевских экспертов и даже государственной политики. Никто сейчас не станет опровергать «правоту» Сталина, наоборот, государственные репрессии оправдываются положительным историческим опытом. Это уже не наследие позднесоветское, это наследие 1937-го, 1938-го, 1949-го и других страшных лет. Тоталитарные практики подчинения и самооправдания воспроизводятся безукоризненным образом — как будто и не было опыта свободной жизни. Опыт был, но для многих — пассивный и оппортунистический, в духе «плыть по течению». А течение свернуло резко назад, бурные пороги привели к водопаду и антропологической катастрофе. Общество разучилось плакать по умершим — и потеряло ориентиры.

«Я боюсь, что мы живем в таком мире, где война и расизм — повсеместные явления, где возможности государства по мобилизации масс и легитимации собственных действий становятся всё шире, где чувство личной ответственности всё сильнее размывается специализацией и бюрократизацией и где социальное окружение оказывает мощнейшее давление на людей и устанавливает нормы морали. Я боюсь, что в таком мире

современные правительства, решившие прибегнуть к массовым убийствам, едва ли потерпят неудачу в попытках превратить «обычных людей» в «добровольных палачей».

**Кристофер Браунинг, американский историк,
специалист по истории Холокоста**

*Внесен Минюстом в список «иноагентов».